

**АЛЛА
ЛАГУТИНА**

АЛЛА
ЛАГУТИНА

МИСС
СТРАНА.
ЧУДОВИЩЕ
И КРАСАВИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л14

Серия «# Сеть»

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Оформление — Яна Паламарчук

Лагутина, Алла Борисовна.
Л14 Мисс Страна. Чудовище и красавица : [роман] / Алла Лагутина. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (# Сеть).

ISBN 978-5-17-102562-5

Алла Лагутина — писательница, журналистка, финалистка конкурсов красоты «Мисс Москва» и «Мисс Россия», участница популярного реалити-шоу «Холостяк», фотомодель. Первые истории сочинила прямо за школьной партой, публиковалась в молодежных газетах Байкальской области, с шестнадцати лет работает в печатных СМИ, училась в Московском государственном университете культуры и искусств. Последние несколько лет занималась тележурналистикой, сотрудничала с телеканалами «МУЗ-ТВ» и «Доверие».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102562-5

© А.Б. Лагутина, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

ПОДИУМ

Подиум залит светом прожекторов — идешь вперед, и кажется, что вокруг полная темнота. Ты знаешь, что зрительный зал набит битком, несколько сотен людей пришли посмотреть на ту, кого через три четверти часа объявят самой красивой девушкой страны. Три четверти часа — выход пяти финалисток. Вся жизнь девушек — их время, мечты, мысли, сны были посвящены этим грядущим минутам. Каждая участница надеялась на успех. Даже те, кто в глубине души был уверен, что честных конкурсов красоты не существует, что корона либо оплачена богатенькими родителями красавицы, либо отработана в постели с одним из спонсоров. Такие сплетни ходили вокруг «Мисс Страны», и чем ближе становился день финала, тем живее эти трагически несправедливые сценарии обсуждались конкурсантками.

«Видели, у Астаевой родители в зале! На папаше пиджак Brioni, я рассмотрела надпись на

пуговичке, когда мимо шла. Знаете, сколько стоит такой пиджак? Минимум пятерку евро. О чем тут можно говорить? У моей вот мамы даже на билет до Москвы денег не хватит, вздумай она на меня посмотреть...»

«Та тихоня из Ярославля — на вид мышшь мышью, а сама вчера где-то всю ночь шлялась. И ей пофиг, что по правилам нам нельзя покидать пансионат. К утру явилась, от нее шампанским пахло, а взгляд был такой мечтательный — так только после секса бывает. А все заливала — мол, бойфренд у нее в Ярославле остался, пожениться они собираются. А теперь плевать хотела и на бойфренда, и на всех вокруг — пальцем ее пома-нили, она и пошла!»

«У Сердюк откуда-то появилось кольцо с бреликом. Так, ничего особенного, говенный брелик — максимум половина карата. Но она так палец вперед выставляет, как будто ей арабский шейх предложение сделал. Спрашивается, откуда такое? У Сердюк, у девочки с пластмассовыми заколками, которая ботинки маркером подкрашивает, чтобы они казались поновее!»

Всё это обсуждалось в курилке (многие девушки в процессе подготовки к конкурсу пристрастились к сигаретам — никотин хорошо отбивал аппетит), в столовой, на обязательной утренней пробежке, перед сном. Девушки разбивались на группы, но каждая их участница молчаливо ненавидела остальных — нет, это была не дружба, а вынужденные коалиции. Месяц назад, когда все они — двадцать пять самых красивых девчонок страны — въехали в подмосковный пансионат,

где их ежедневно и почти круглосуточно учили себя подавать на подиуме, они были наивными цветочками, обычными добрыми девчонками. И вот за считанные дни произошла трансформация — ангельский сонм обратился в копошащийся клубок змей. Обычное дело, ничего особенного. Мир профессиональных красавиц жесток и требует не только железной воли и невероятного трудолюбия, но и навыка в нужный момент пройти по головам, проявить хитрость и, наоборот, красиво выкрутиться, если тебя подставили другие. Иначе не победить.

Не все из этих красоток останутся в мире подиума. Для кого-то конкурс будет просто яркой деталью жизни — они вернутся в родной город, продолжат учебу в институте, выйдут замуж и время от времени станут с гордостью демонстрировать друзьям фотоальбом. Они забудут этот змеиный подтекст и снова превратятся в ангелов. Утратят бульдожьё хватку — за ненадобностью. Но пока все они — воины, и каждая взвинчена до такого состояния, как будто от короны зависит жизнь ее семьи.

— Давай, Люда! У тебя все получится! — Брюнетка в расшитом стразами белом платье толкает в спину конкурентку, улыбается ей в лицо, а как только та выходит на подиум, шепчет: — Да чтоб ты там свалилась. Ноги кривые, мозги куриные, а всё туда же — на «Мисс Страну». — И совсем уж себе под нос добавляет: — Сучка.

Сандугаш молча наблюдала за происходящим вокруг. Ее здесь считали странной, не от мира сего. Она была приветливой, но подругами так

и не обзавелась. Ее красота казалась необычной и «честной» — не той, что видна только на фото-пленке, а той, которая сразу бросается в глаза. Но почему-то остальные не прочили ей успеха. А когда ее имя назвали в числе пяти финалисток, даже удивились — ничего себе, вот так серая лошадка!

И вот наконец пришла ее очередь идти вперед. Распорядитель конкурса, Влад, манерный молодой человек с фиолетовым ирокезом, ободряюще потрепал девушку по плечу:

— Давай, моя милая! Не подведи, порви их там всех!

Ничего личного, Влад говорил одни и те же напутственные слова каждой.

И Сандугаш пошла вперед, стараясь не щуриться от ослепительных прожекторов. Отрепетированная улыбка, спокойное лицо — на нем тонна грима, но из зрительного зала оно кажется почти ненакрашенным. Один шаг, другой, третий. Ее появление встретили аплодисментами. На ней были платье стоимостью несколько тысяч долларов и туфли на два размера меньше, из-за которых она чувствовала себя сказочной Русалочкой. Обычное дело — девочки подстраиваются под одежду, а не наоборот. Она шла, и все мысленно примеряли на ее голову корону победительницы — потянет ли?

Забавно, каких-то пару месяцев назад ее жизнь была совершенно иной. Сандугаш и представить тогда не могла, что она будет идти по подиуму среди первых красавиц русских городов. Сидела в своей деревне Выдрино на берегу Бай-

кала, жизнь ее была простой, и мечты — тоже простыми, маленькими. И вдруг новая реальность заменила собой привычную, это произошло так быстро, как будто снежный ком прокатился.

Стоя на краю подиума, улыбаясь камерам, она вспомнила лицо человека, с которого все и началось.

Костино лицо.

Микроскопические красные трусики болтаются на щиколотке — китайские, на отложенные копейки купленные, дешевая ткань так царапает кожу, что вот-вот начнется дерматит; томно выгнутая спина, как у модели с обложки какого-то журнала. Сандугаш накануне два часа в ванной репетировала, пока мать не начала стучать в дверь: «Сандугаш, мне пора малышей купать!» Горький сигаретный дым густым облаком входит в легкие. Черт, все-таки закашлялась!

А на краешке постели сидит Костя, ее самый большой секрет.

Они любовники уже целых семь месяцев и двенадцать дней. И все эти семь месяцев и двенадцать дней Сандугаш была так счастлива, что казалось, будто ее тело наполнено веселящим газом. Словно гелиевый шарик, готовый вырваться из рук и, кружась, улететь к высоким облакам.

Как изменила ее любовь!

Была тихая девочка-интроверт, «со странностями», всё жалась по углам, подолгу могла разговаривать только с единственной подругой Ритой.

И вдруг — в глазах огонь, всё время тянет рассмеяться, хочется посмотреть легкомысленное кино и вообще сделать что-нибудь дурацкое — хоть по снегу босиком, хоть танцевать под песенки из советских мультфильмов, хоть накрасить веки изумрудными тенями.

Первая любовь. Первый мужчина.

Но есть проблема. Косте под пятьдесят, и он друг отца Сандугаш.

Если бы дело происходило в большом городе, никто бы и внимания не обратил на этот союз. Но в селе на берегу Байкала свои социальные законы — там и за спиной начнут шептаться, и нелестные эпитеты к ее личности подбирать, и напрямую выразить свое ценное мнение. А уж что будет с отцом, страшно подумать. Как и многие отцы, он не заметил, как Сандугаш выросла. Такое часто случается с мужчинами. Может быть, в этом выражается страх смерти и старческой немощи. Вдруг однажды понимаешь, что твоя любимая дочь — не тот ребенок, который хлопал в ладоши, когда ты возвращался вечером с кульком слипшихся карамелек, а вполне себе взрослая женщина, с грудью второго размера и кошачьей истомой в глазах. На прошлый Новый год отец удивил Сандугаш — подарил ей куклу. Обычную куклу в красивом атласном платье, с уложенными в кудельки волосами и длинными ресничками. И теперь вдруг сказать ему: «Папа, я трахаюсь с твоим лучшим другом, давно, мы любим друг друга и собираемся вместе жить...»

То есть это Сандугаш надеялась, что они с Костей вскоре будут делить одно пространство. Она

об этом мечтала. Это представлялось ей естественным развитием событий, почти законом природы. Ведь пока они любовники, им постоянно приходится прятаться, даже не могут погулять вдвоем, зайти в кафе или посидеть на набережной.

Они боялись посторонних глаз. Роман должен быть тайным — так решили оба. Вернее, Сандугаш убедила себя в этом со временем, на самом же деле решение озвучил Костя.

Она приходила, он прямо с порога начинал целовать ее лицо, потом на руках относил в спальню, раздевал бережно, как куклу. После пили чай, болтали о чем-то. Два часа пролетали как минута.

— Я тебя люблю! — вырвалось у Сандугаш.

— А вдруг нет? — Костя легонько щелкнул ее по носу. — В твоём возрасте вообще не стоит любить.

— Что же стоит делать в моем возрасте? — ошетибилась она.

Сандугаш не любила, когда он намекал на разницу в годах. Это как будто бы создавало пропасть между ними.

— Наслаждаться, конечно, что же еще? Хочешь, пожарю гренки с сыром?

— Нет аппетита, — вздохнула девушка. — Я вообще-то серьезно. Я тебя люблю.

— Я понял. Просто о серьезных вещах лучше не говорить с серьезной интонацией. Это всё портит... Я тоже тебя люблю.

— Да? — Она подпрыгнула на кровати, словно током ударенная. — Любишь?

— А как же может быть иначе? — Костя при-
тянул ее к себе и поцеловал в макушку. — Разве
можно такую, как ты, не любить? Вот что ты во
мне нашла — это вопрос.

— Не говори так!

Костя казался Сандугаш самым прекрасным
мужчиной на свете. Красивее, чем Хью Джекман.
И чем Бенедикт Камбербетч. На свой возраст Ко-
стя не выглядел, у него было тело спортсмена —
ни грамма жира, сплошь литые мышцы под
золотой от загара кожей. Хотя весь его спорт —
физический труд на свежем воздухе. Он работал
автомехаником. А прошлым летом старый дом,
еще его дедом построенный, подновил и жилую
пристройку к нему сделал, практически в оди-
ночку, своими руками.

Сандугаш ждала, когда они в этом доме на-
конец поселятся вместе. Конечно, она бы пред-
почла совсем новое жилье, чтобы с чистого листа
начать, будто и у Кости нет прошлого. В этом же
доме повсюду были незримые следы присутствия
других женщин — всех, кого Костя когда-то лю-
бил, его бывших жен. И вполне зримые следы
присутствия нынешней жены... То есть будущей
бывшей. Ничего не поделаешь. Трудно остаться
холостяком в пятьдесят, но все-таки мысль о том,
что когда-то эти сильные загорелые руки обни-
мали кого-то другого, была для Сандугаш невы-
носимой.

Утешало только одно: вера, что она, Сандугаш,
для него — первая настоящая любовь. Другие
были — просто бабы. Он сам так сказал...

— Когда расскажем отцу? — с деланной небрежностью спросила она.

Сандугаш готовилась к этому разговору три дня, но ей хотелось, чтобы вопрос прозвучал как спонтанный.

Костя как будто бы удивился — густые темные брови поползли вверх.

— Котенок, зачем? Мы же хотели, чтобы это был секрет. Сама знаешь, какие у нас люди.

— Ну и что! Если я тебя люблю и ты меня тоже любишь, какое это имеет значение?

— А что, родители тебя о чем-то спрашивали? Заподозрили что-то? — насторожился он.

— Нет вроде. Им обоим не до того. Мама с близнецами возится и молодость-красоту сохранить старается. А папа... Ты знаешь, какой он. Но я надеюсь, что он не будет против, если я уйду из дома. Я все-таки уже взрослая. Он уже говорил со мной о замужестве.

— Уйдешь из дома?!

— Я бы хотела жить с тобой, — твердо сказала Сандугаш, и лицо ее в тот момент было таким спокойным — никто и не заподозрил бы, что сердце бьется, как у пойманного голубя. Волновалась она больше, чем перед тестами ЕГЭ.

— Но котенок... Тебе не понравится. Я скучный и мрачный. Я хочу быть твоим праздником. Не хочу однажды прочитать в твоих глазах «ты мне надоед, старый дурак».

— Этого не будет никогда! — Сандугаш обхватила руками его шею, и Костя, легко подняв ее, закружился по комнате.

Как же хотелось продлить этот момент на целую вечность! Застыть в нем, как муха в янтаре. Ее отец однажды рассказывал о самадхи — буддийском блаженстве, в которое навсегда погружается каждый, кто достиг просветления. Так вот же оно, блаженство. Близость этого человека, запах его волос, сила его рук.

— Подожди еще отцу говорить, — сказал Костя, разрушая все волшебство мгновения. — Подожди, пока я с Маринкой разведусь. Надо все же как-то по-человечески... Не могу я так с ним — ножом в спину. А то, что я с тобой, это — как нож в спину.

«А меня ножом в спину — можно?» — обиженно подумала Сандугаш. И, смиряясь, вздохнула: отца ее, Бату Номгоновича Доржиева, уважали все. Шаман — как не уважать? И конечно, ранить его чувства Костя боялся больше, чем расстроить Сандугаш. Но если, несмотря на все его уважение к шаману и другу, Костя стал ее любовником — значит, и правда любит.

Сандугаш была самой красивой девушкой в селе Выдрино. Все о ней с детства говорили: «Не нашего полета птица». Такой бы с обложек улыбаться, а не морковку в огороде полоть. Сандугаш, правда, и не полола: огорода у них не было, только грядки с отцовскими лекарственными травами, до которых он никого не допускал. Но все равно видеть такую красоту на выдринской грязной улочке, шагающую в обляпанных резиновых сапогах к автобусной остановке, уже казалось странным, почти кощунственным.

Красота Сандугаш не нуждалась в оправе — ей не нужны были косметика, дорогая одежда, французские шампуни, замысловатые духи. Она и так была драгоценностью, сама по себе. Вечная принцесса и Снегурочка всех детских утренников.

Мама у нее была русская, папа — бурят, и в результате смешения кровей Сандугаш получила красоту, выстроенную на контрастах, а оттого особенно выразительную. Нежный овал лица и резко выступающие скулы, как у Анджелины Джоли в роли Малефисенты. Четко очерченный, пухлый рот и тонкий нос с горбинкой. Белая кожа и длинные восточные брови. Глаза у Сандугаш были узкие, как у отца, но серо-голубые — в маму. Если что-то голубое или синее надеть, хоть шарфик на шею, — серый цвет из глаз совсем исчезал, растворялся в чистой голубизне. Блестящие, гладкие черные волосы Сандугаш заплетала в простую косу, и даже такая прическа ей была к лицу, а уж если волосы распустить — она становилась похожа на красавиц с иллюстраций к бурятскому эпосу «Гэсэр». Только лучше. Потому что красавицы из эпоса были все же толстые, если смотреть на них с позиции сегодняшней моды. А Сандугаш была тоненькой, так что ее русская бабушка ворчала: «Ручки-ножки — паучьи, что не съест — как не в нее, должно быть, в девке глист сидит, сама как глиста...» Когда Сандугаш было десять, бабушка ее этими своими размышлениями про пауков и глистов доводила до слез. А потом Сандугаш привыкла, мимо ушей стала пропускать. Она радовалась своей худобе,